

Эйшель Антонов

г. Архангельск

Икра пинагора

Повесть

Часть 2

(Продолжение. Начало в № 8/2017)

Никаких идей в голову не приходило, и Саша решила занять себя работой. Помыла посуду. Вытряхнула домотканые половики. Вымыла полы. Натаскала воды. Принесла дров. Оглянуться не успела, как наступил полдень.

– Бабушка, можно я схожу к крёстному?

– Сходи, коли охота.

– Спасибо!

– К обеду вернёшься?

– Обедайте без меня. Крёстный без обеда всё равно не отпустит.

– Ну и ладненько.

Саша выбежала на улицу. Солнышко было в зените. Далёкое-далёкое, но такое

тёплое-тёплое. Глазам смотреть на него было больно, Сашенька прищурилась. А лицу так приятно, так бы и стояла целую вечность и грелась на солнышке!

Но надо было идти. «Перво дело надоть дедушку ублажить. Коли деда ко мне обратился, то надея¹ у него токма на меня. А вот самой-то не управиться. Надобно идти к крёстному», – девочка резко развернулась направо и пошла вдоль моря.

Море было спокойным. Небо было чисто-голубым, лишь небольшие перистые облака словно веером разбежались по небосводу.

Вода шла на убыль. Саша шагала по чистому мокрому песочку. Идти по мокрому было легче. В сухом песке ноги увязали, и приходилось прилагать усилия, чтобы оттолкнуться и сделать следующий шаг. Да и сухой горячий песок обжигал лапости². Хоть девочка превосходно ходила по любому песку, этот прохладный мокрый плотный песочек ласкал ноги, и идти по нему было одно удовольствие.

Песочек был уложен мелкими извилистыми гребешками. Это море, уходя, оставило воспоминание о мелкой ряби на своей поверхности от утренней слабенькой морянки³.

Саша шла, стараясь ногой попасть на гребешок. Шаг был неровным, зато идти, играючи, было легче. Девочка оглянулась. Следы её босых ног, как створки ракушек, разбежались по песку.

В песке попадались мелкие круглые камушки, обточенные морем. Местами нога ступала на морские водоросли, оторванные сильной волной и выброшенные на берег.

В одном месте на песке лежала медуза, не успевшая уйти в море во время стремительного отхода воды. Её прозрачное тельце медленно таяло на жарком солнце. По середине чётко выделялся фиолетовый рисунок, как будто листочек клевера отпе-

¹ *Надея* – надежда на помощь.

² *Лапость* – стопа.

³ *Морянка* – северо-восточный ветер с моря.

чатался на поверхности морского обитателя. Фиолетовая кромка местами была уже разорвана.

Саша аккуратно снизу подцепила медузу ладошками и отнесла бедняжку в море. Морской обитатель медленно погрузился в свежую воду и двинулся в глубину. Девочка сполоснула ладошки от слизи: «Ладони-то медуза не обжигает. А вот ежели в глаза попадёт, то жечь будет неистово. Токма чистая холодная родниковая вода спасти сможет от ожога».

Из-под ног стремительно ускакал боком на длинных лапках маленький светло-коричневый крабик и спрятался в расщелину между камешками. Вдругораз¹ Саша обязательно бы за ним погонялась. Не ради добычи, а «токма ради охотничьего азарту».

Девочка, громко шлёпая лапостями по воде, выскочила на берег. Испуганные веретенники, стремительно взлетев, полукругом пошли над водой. Прикрывшись ладошкой от солнца, Саша понаблюдала за полётом птичек. Они, словно маленькие тёмные крестики, синхронно развернулись и приземлились на пустынном берегу.

На песке то тут, то там попадались рыбацкие лодки, завалившиеся набок. В истомну² погоду рыбаки отдыхали, полёживая в тенёчке. В море ходили по утренней зоре или повечерью. А иной раз и в полуношницу, благо, ночи-то в июне белые. Любо-дорого, свежо и тихо, и истомина не одолевает.

***

Саша заприметила дом крёстного и прибавила шагу. Кряжистый пятистенник так же, как и дедушкин, стоял по первой линии. Крыша дома была покрыта оцинкованным железом, а стены обиты вагонкой, выкрашенной в жёлтый цвет. Окантовка окон была выполнена из доски, покрытой белой краской, причём верхняя имела причудли-

вый изгиб. Понизу дом имел обрамление коричневого цвета.

Девочка стряхнула песок с ног, по горячим деревянным мосточкам прошла вдоль дома и вбежала на крыльцо. Метлы у двери не было, это означало, что кто-то в доме есть. Свои-то всегда знали, что коли к двери метла поставлена, то в доме никого и входить смысла нет. И никаких замков не надобно.

Сашу порадовало, что обе лодки крёстного были вытащены на берег: «Дома крёстный, дома! Вот радость-то! Крёстный верный³ человек, ежели скажет, что добудет пинагора, то так и сделает. На радость дедушке».

Девочка набрала в грудь воздуха и постучала.

– Да-да, заходите, – раздался сочный мужской баритон из открытого кухонного окошка.

Саша прошла через тёмные прохладные сени, нашла по памяти деревянную ручку, взялась за неё и дёрнула на себя. Тяжёлая дверь отворилась, и девочка проскочила на кухню.

– Сашенька! Милушка ты моя, рыбацкая, доча крёстная! Ты как заря над морем у нас!

Крёстный широко развёл руки, вразвалочку быстрыми шагами подошёл к крестнице, обнял и крепко прижал её к себе. Саша обняла мужчину и прижалась к нему. В прошлом она прыгала к нему в объятия, сжимая руками шею, а ноги смыкая на спине. Ноне она была уже вполне зрелой барышней и ей не подобало вести себя столь вольготно.

Крёстный был кряжистый могучий мужчина среднего роста. Девочка настолько вытянулась, что теперь была на самую чуточку ниже его ростом. Она прижалась щекой к его щеке. Густая коротко подстриженная борода щекотала кожу.

¹ *Вдругораз* – в другой раз, вторично, снова.

² *Истомна погода* – жаркая погода.

³ *Верный* – здесь: надёжный.

«Ёршик», – так с раннего детства называла его Саша. Она любила крёстного всей душой. Оставшись без отца, тянулась к бабушке и крёстному. Родня как-никак. Поморы всегда любили большую родню. Бессемейны-то были не в почёте. А родные, здешние, природные, с Летнего берега своих привечали, в гости друг к другу хаживали. А коли мало родни, то в крёстные зывали тех, у кого родни много было. Враз родимых прибавлялось.

От крёстного тонко пахло свежей рыбой и сладким куревом. Родимый запах. Так же сладко пахло от покойного отца. Воспоминания наполнили глаза влагой. Саша погрузилась носом в бороду. Волосинки зашевелились. Тут до неё дошли слова крёстного, и она рассмеялась.

– Саша, ушкой ты этакий, отпусти девку-то, все кости ей поломашь! – бабушка Пина громыхнула противнем.

– Да ладно вам, мама, он же любя.

– Любя, любя. Не маленькая уже, негоже тискать девку-то.

Агриппина приходилась крёстному тещей и, как положено большухе, строжила всех в доме, причём зятю доставалось чаще других.

Александр отпустил Сашеньку и чмокнул её в обе щеки и в губы. Совсем легонько, хотя и довольно звонко. Девочка зарделась, опустила глаза, украдкой вытерла ладошкой щёки.

– Похристосовался, и хватит, – подытожила бабушка Пина. – Не ровён час, любовь в ней разыграется!

– Не, – только и смогла вымолвить Саша.

Чувства метались в голове. Ей было и так приятно от лёгкого поцелуя, и так стыдно, что это видели люди, и так хорошо от общения с крёстным, и так плохо от слов бабушки, будто она делала что-то запретное. И душа радовалась вроде, и сердце заходило в быстром волнительном «Тук-тук-тук!», а в голове не укладывалось, как правильно поступить.

– Вы, бабушка, говорите, да не заговаривайтесь. Лишку-то не хватайте, – иногда голос крёстного переходил с бархатного баритона на металлический, будто бы он чеканил монеты.

– И то слово, мама. Давайте лучше за стол садиться. Дети, руки мыть! – Жена крёстного Люба была женщиной покладистой, всегда встающей между двух огней стараясь загасить пламя в зародыше.

***

Из горницы выскочили ребяташки. Семья считалась по нынешним временам многодетной: два сына-погодки семи и восьми лет и малая дочь трёх лет отроду. Мальчишки шумно начали плескаться у ручейника, а Ксюша подбежала и обняла Сашу.

Девочка подхватила малышку и взяла на руки. Малышка была совсем худенькой и лёгонькой, как пёрышко чайки. Ксюша тут же вытянула губы в трубочку и потянулась к Саше. Губы сомкнулись с громким «Чмок!». Малышка любила чмокать всех родных ей людей.

Саша прижала её, потормошила, вымыла ей руки, умыла личико и вытерла полотенцем. Долила воды в ручейник: мальчишки всю выплескали. Вымыла руки и лицо, вытерлась полотенцем и пошла за стол.

Стол был большой, овальный. В красном углу под образами сидел крёстный. По левую руку от него сидела жена и Ксюша. По правую руку – мальчишки. Бабушка Пина сидела напротив зятя.

– Иди ко мне, – вытянула ручки Ксюша.

Саша обошла стол и села на лавку рядом с девочкой, которая тут же прижалась к ней.

– Сельдь ноне в море грузно¹ шла, много взяли все рыбаки. А ко мне и большая сельдька вошла в сети, – гордо сказал крёстный.

Саша усмехнулась. Сёмгу, хоть поморы и были коренным населением на Белом море, ловить запрещалось. По правилам выловленную рыбу следовало отпустить обратно в море. Так рыбаки и делали, но иногда рыбу,

¹ Грузно – здесь: обильно, много.

долго просидевшую в сетях, выпускать было бессмысленно: погибнет. Тогда её забирали домой, но впрямую её сёмгой никто не называл, а называли «большой селёдкой».

– Так что отведаем ушки из свежей селёдки.

Тётя Люба поставила большой чугунный горшок на стол, взяла черпак и стала разливать уху по тарелкам: мужу, мальчикам, бабушке Пине, Саше, Ксюше и себе.

Как говорила бабушка Пина: «Семья-то у нас была бедная очень. Дидятков много: мал мала меньше. Я с семи годков уже с ребятёнками водилась¹. Денно и ношно зыбку² качала. Так мы, по бедности, уху токма из голов сёмги едали».

«Вот и сейчас в ухе была положена голова, хвост да плавники, – отметила про себя Саша. – Главная-то часть подсолена, да в ледник убрана до зимы. Обычно-то сёмгу солили целиком с головой и хвостом, пересыпая крупной морской солью. Но тут случай особый: давно уже не попадалась рыбина в сети, как уж тут на радостях не отведать вкуснейшей ушки?»

Крёстный прочитал короткую молитву, благословляя пищу, и все принялись есть. Саша зачерпнула и осторожно попробовала белёсую ущицу. Бульон был насыщенный, вкус отменный. Девочка одним бы махом съела всё, да уж больно горячей была уха. Сразу видно: токмо из русской печи вынута.

Саша взяла кусок плотного ржаного хлеба, откусила кусочек и стала потихоньку потягивать ущицу. Тепло быстро разлилось по всему телу, на лбу выступили капельки пота. «Ешь – потей, работай – мёрзни», – вспомнила девочка русскую народную поговорку.

Покончив с ухой, Саша стала докармливать Ксюшу, откликнувшись на её просьбу «Покорми!». Малышка смогла осилить только треть тарелки. Девочка набирала ложку ушки, подносила ко рту малышки и приго-

варивала: «За папу. За маму. За бабушку. За брата. За второго брата. За Сашу». Ксюша послушно открывала ротик, ушка быстро убывала, и вскоре тарелка была уже пуста.

Тем временем тётя Люба достала из печи большую ладку. По кухне разнёсся специфический селёдочный запах. Такой, что даже свежий ветер с моря не мог его пересилить.

Ели руками. Каждый по очереди брал по небольшому кусочку, накладывал на хлеб и уносил в рот. Малые сразу стали макать хлеб в ладку, собирая вологу³. Рыба была чуть с кислинкой, вкуснейшая, пальчики оближешь.

Такую селёдочку готовили особым образом: рыбины вместе с ксенью⁴ чуть подсаживали, заворачивали в мокрую тряпицу и клали в тёплое тёмное место. Через сутки от тряпицы уже шёл аромат. Вот тогда рыбу промывали, укладывали рядом в ладку и запекали в русской печи. От тепла мясо легко отделялось от костей и есть такую рыбку было одно удовольствие. Можно даже было жевать вместе с костями: они были настолько мягкие, что легко поддавались зубам. А вологу в ладке съедали мочком хлебушком.

***

Хлебушек в Лопшеньге пекли в собственной пекарне. В большой русской печи, стоящей здесь испокон веку. Бабушка Пина не единожды говорила: «Ноне разве же выложат такую печь? Ну-ко, выложи-ка печь, чтоб тепло большое давала, и красива, и обиходна. Руки мастерские надобны для её выкладки. Кирпич для печи каждый проверяли на звон. Щелконёшь – кирпич звонотзвоётся, значит, хорош и пригоден на годы. Такого кирпича ноне нету. Глухой кирпич-то. С глухим стуком кирпич для печи негоден. То не печь, коль хлеба в ей короваем красивым не испечь. Без русской-то печи и пекарня не пекарня».

¹ *Водиться* – здесь: нянчиться.

² *Зыбка* – колыбель, подвешенная на очепе (прикрепленный к потолку хорошо обработанный гибкий шест с подвесом).

³ *Волога* – жидкая похлёбка.

⁴ *Ксень* – внутренность рыбы.

Намедни Саша заходила в пекарню помочь тесто замесить. Девочка руки вымыла и приготовилась работать.

– Заски¹ рукава, как квашню² месить будешь, – большуха в пекарне была женщиной дородной, пышной, как испечённый ею хлебушек, с лицом круглым, словно каравай.

Саша закатала рукава и стала месить тесто.

– Тётя Клава, а почему у вас хлебушек такой вкусный?

– Одна мучка, да не одни ручки. Секрет знать надобно.

– Ну скажите, пожалуйста.

– Помесила? Отдохни, дай тесту подняться.

– Не скажете?

– Скажу, скажу, опосля, как работу закончишь.

Саша посидела, пока тесто опять не поднялось.

– Давай, меси снова.

Девочка стала мять тесто, пока оно не сжалось в небольшой комок.

– Оставь, пусть поднимется.

Тесто стало вновь медленно подниматься.

«Так вот и белый хлебушек из деревенской пекарни: его сожмёшь, а он снова весь расправится и форму свою восстановит. А аромат какой? Принесёшь свежее испечённый хлебушек домой, так запах по всей избе разнесётся, всех домашних за стол соберёт», – думы возвернули Сашу домой к бабушке и дедушке.

– Давай меси снова.

Саша старательно умяла тесто.

– Оставь тесто, пусть поднимается. Формы готовы.

Формы были большие, скреплённые по три. Девочка брала каждую, смазывала изнутри маслом и складывала костерком. Тесто тем временем снова поднялось.

Женщина уверенным движением отрывала кусок теста и отдавала Саше. Девочка

раскладывала тесто по формам. Куски были абсолютно одинаковыми.

– Тётя Клава, а как вы так делаете, что все куски теста одинаковые безо всяких ве-сов?

– Навычку надоть иметь, поработай-ка, как я, в пекарне столько лет.

– А сколько?

– Так почитай, сорок пять годочков будет сейгод.

Тесто кончилось. На столе были разложены формы с ним.

– Будем в печь формы закладывать?

– Поостынь, работать-то взахлёб надо рвёшься.

– Так ведь печь остынет.

– Эта печь до утра простоит, не остынет.

– Как так?

– Добротная печь-то.

– Ну ладно, подождём.

– Скажи мне, Саша, сколько раз ты тесто месила?

– Три раза, – задумавшись, ответила девочка.

– Вот видишь, а сейминут, как снова подымется, будем в печь закладывать. Вот и весь секрет моего хлебушка.

– Так просто?

– Запросто-то запросто, да не всем ведомо. Видишь, тесто поднялось?

– Вижу.

– Вот теперь бери деревянную лопату и загоняй формы в печь. Да укладывай ровно, чтобы все влезли.

Саша уложила формы на под³ печи и за-крыла устье горнила заслонкой. Они бол-тали, изредка поглядывая в устье. Хлебá поднялись выше краёв, изогнувшись дугой. Верхняя часть медленно темнела, приобре-тая коричневый оттенок.

Тётя Клава стала доставать формы, вытряхивая буханки на стол. Саша в вер-хоньках⁴ укладывала хлебá рядком. Боль-

¹ Заскать – завернуть.

² Квашня – посуда для замешивания теста, обычно в форме усечённого конуса, широкой стороной вверх; раньше была деревянной или глиняной.

³ Под – нижний слой горнила (топливника) печи.

⁴ Верхоньки – рукавицы из плотной ткани.

шуха окропила буханки сверху водой и накрыла тряпичей.

– Пушай отойдёт, а то корочка твёрдой больно будет.

Вскорости хлебушек уже был готов. Саша получила свежую буханку и понесла бабушке с дедушкой. Горбушка, как самая вкусная, всегда доставалась деду. Девочка получала кусок хлеба с середины, намазывала сливочным маслом.

Масло в один момент таяло, стекая в пористый хлеб. Саша только успевала подхватывать капельки масла и отправлять в рот. Хлебушек был такой вкусный, что девочка была готова съесть не пару кусков, а половину буханки, но возможности её желудка были ограничены.

Иной раз вместо масла Саша посыпала кусок хлеба сахарным песком и поливала тёплой водичкой. Такой хлебушек тоже был вкусным. Да что говорить: такой хлеб можно было есть просто так, безо всего.

***

Пока суть да дело, Саша вспоминала свой поход в пекарню, крёстный уже наладил самовар. Чай подавали в чашках, а к чаю – пряники и свежее испечённый белый хлеб с маслом.

Крёстного Саша выбрала сама. Да и покреститься она решила тоже сама. Мама с отцом были некрещёные: в советское время это не разрешалось. Потом запрет был снят, и крещение даже поощрялось, да жили они хорошо, как-то родителям об этом не думалось.

«Пока гром не грянет – мужик не перекрестится», – гласит народная мудрость. Так и Саша как-то об этом не задумывалась, пока всё хорошо было. А после смерти отца она частенько, вспоминая его, думала: «Как ему там, на небе?» Она почему-то была убеждена, что такой хороший человек, как её отец, обязательно должен был попасть на небо.

Однажды летом, ей тогда уже 11 годков исполнилось, она вытаскивала лодку на берег, но волна на море была довольно сильная, а море никак не хотело отдавать судно. В их деревне лодку мог вытащить даже ребёнок: на берегу у каждого хозяина было

специальное приспособление с коловоротом, – такое же Саша видела в учебнике, когда они изучали историю древнего мира. Там Архимед усилием одной руки вытаскивал на сушу корабль.

Но это в спокойную погоду, когда лодка идёт ровно. А вот при волнении, когда её кидает на волнах, вытащить судно на берег было крайне сложно. Намучавшись и выбившись из сил, Саша уже хотела бежать за помощью к деду, когда плотный мужчина в броднях вошёл в воду, схватил лодку и одним махом на волне вытащил её на берег. Поработав коловоротом, мужчина переместил лодку на безопасное расстояние от кромки воды.

– Тебя как звать-то, красавица?

– Саша.

– И меня Саша, будем знакомы?

– Будем!

– Мы на том конце живём, заходи в гости.

– Хорошо, и вы заходите, мы здесь рядом живём, на этом конце.

– Договорились.

Он так приветливо улыбался, был такой красивый, могучий, статный. Обликом своим напоминал ей погибшего отца.

На следующий же день она прибежала к ним в гости. Тётя Люба встретила её приветливо. Ксюша ещё только-только родилась, и Саше нравилось с ней водиться. С мальчишками она не то чтобы подружилась, но они не враждовали. Они были в таком возрасте, когда девчонки их не интересуют. Только бабушка Пина иногда ворчала из-за её частых визитов, но дядя Саша ей решительно сказал: «Я её сам пригласил, пусть ходит, коли хочет».

Семья у них была верующая. Каждое воскресенье и по праздникам всей семьёй они собирались и шли в церковь. Небольшая церквушка, выкрашенная в приятный голубой цвет – любимый цвет Богородицы.

Саше тоже хотелось ходить с ними, да ей нельзя было: она же была некрещёная. Никто бы её, конечно, не выгнал из церкви, если бы она пришла, но ей самой как-то было неудобно.

Решившись, она попросила разрешения у дедушки с бабушкой.

– Конечно, покрестись, – сказал дедушка. – Токмо тебе надобно крестного отца и крестную мать найти.

– А крестный у меня уже есть – это дядя Саша, – радостно сказала Сашенька. – Токмо, если он не откажется.

– Чего это ты удумала-то? – сердито сказала бабушка. – Ну, да дело твоё, твоя жизнь.

«Будем считать, что благословение получено, – решила Саша. – Дедушка – “за”, бабушка не возражает, а мама далеко. Хотя нет, надо бы ей сказать».

И она позвонила маме:

– Знаешь, мамочка, я решила покреститься, ты ведь не будешь против?

– Что ты, доченька, зачем это тебе?

– Мне надо, мамочка!

Не могла же она сказать прямо, что ей был нужен дядя Саша. Вот станет он её крестным, и будет как родной. И вся его семья будет ей родной. И будет у неё в деревне не только дедушка с бабушкой, а ещё дядя Саша, тётя Люба, мальчики и Ксюша. И бабушка Пина тоже будет родней, если захочет.

– Ну, как знаешь, если хочешь, то покрестись.

– Спасибо, мамочка, я тебя так сильно люблю!

Благословение было получено. Только Саша очень боялась, что дядя Саша откажется.

– Конечно, я буду у тебя крестным. Ты ведь не будешь против, Люба?

– Нет конечно, будет у нас ещё одна дочка, большая уже.

Крестной попросили стать тётю Люду, она была бездетной, мужа у неё море забрало ещё в молодости, да она так больше замуж и не вышла.

Саша ходила в церковь к батюшке на учёбу. Без учёбы обряд совершить было нельзя, не разрешала Архангельская и Холмогорская епархия.

Совершить обряд решили в воскресный день в конце июня. Саша приготовилась, выучила нужные молитвы.

В день крещения с Соловков прибыл другой батюшка. Он провёл литургию и согласился исполнить чин крещения.

Внешне священник был суровый: высокий, сухопарый, седовласый, хотя глаза были добрые и с хитринкой.

На крещение пришли бабушка с дедушкой, крестная и крестный со всем семейством, ещё и местный батюшка помогал.

Служба прошла спокойно, только соловецкий священник сказал, что новокрещённая Александра должна трижды окунуться в святую воду в купели. Купель-то была большая, Саша вполне могла в ней поместиться, да вот залезть туда ей было совсем неподручно. Выручил крестный, он подхватил Сашеньку, и в один момент она оказалась в купели. Окунуться она не смогла: всё-таки было мелко, но священник полил её сверху трижды из ковшика.

Служба закончилась, Саше надели купленный загодя крестными крестик, и она стала полноправным членом православной общины в Лопшеньге. Чему была несказанно рада. Теперь она, как крестница, на законных основаниях ходила в гости к крестному и крестной, посещала церковь по выходным и в церковные праздники.

***

Мальчишки быстро расправились с чаем и убежали. Ксюша рванула за ними.

– Как дедушка? – спросил крестный.

– Болеет. Почти всё время лежит, лишь иногда встаёт. На улицу почти не выходит. Бабушка костит его, что пьёт много.

– А он?

– Говорит, что, если выпьет, то боль утихает и ему легче становится.

– Ему бы в церковь сходить, исповедоваться.

– Ему не сходить, он по дому еле ходит.

– Может, с батюшкой поговорить?

– Можно.

– Ему собороваться надо бы.

– Нет!

– Почему нет?

– Соборуют перед смертью, а он ещё поживёт.

– Вовсе нет, Сашенька! Собороваться надо регулярно, хотя бы раз в год. Во время исповеди ты каешься в грехах, которые совершила, а во время соборования тебе отпускаются грехи, о которых ты можешь даже не знать или не догадываться, что их совершила. Так что ничего страшного.

– Ну всё равно как-то боязно. Он совсем плох.

– Лучше бы исповедовать и соборовать на всякий случай.

– Может быть, и лучше. Он меня попросил принести икры пинагора.

– Икры пинагора?

– Да, у вас есть?

– Нет, как-то давно не попадался пинагор. А прошлогоднюю икру давно уже съели, ещё на Рождество.

– А поймать никак?

– Надобно ставить сети и ждать, сейчас как раз нерест у пинагора идёт, может, и попадёт.

– Крёстный, пожалуйста, если попадётся пинагор с икрой, то дадите мне для дедушки, хорошо?

– Конечно, дам, не сомневайся.

– Спасибо!

Саша крепко-накрепко обняла крёстного, чмокнула его в щёки и в губы и бегом побежала домой, чтобы сообщить дедушке радостную весть. Она бежала берегом моря, громко шлёпая босыми ногами по прибывающей воде.

На мелководье бегали ребятишки. Они высоко подпрыгивали и потом приземлялись на обе ноги, создавая целый каскад брызг. Со стороны казалось, что они так высоко прыгают, чтобы как можно сильнее обрызгать друг друга.

– Что делаете? – спросила Саша рыжеволосого с лицом в конопушках Серёжку. Он был постарше остальных.

– Мальков глушим!

– Зачем?!

– Просто.

– Не надо, они же вырастут и потом их есть можно будет. Рыбы и так в море почти не осталось.

Ребятишки остановились, изумлённо уставившись на Сашу. И тут она вспомнила, как сама в детстве гонялась за рыбками. Дедушка тогда взял её с собой на тоню Банёво. Она ещё была слишком маленькой, чтобы помогать деду по работе. Лето было очень жарким, что большая редкость на Севере. При отливе вода прогрелась, и девочке было очень приятно бродить по мелководью.

Она играла с раками-отшельниками, водя рукой около самого дна. Те, которые побойчее, убежали, таща за собой тяжёлую раковину. Некоторые от испуга сразу прятались внутрь, оставляя снаружи лишь большую клешню, которой они старались ущипнуть противника. Саша брала ракушку в руку и рассматривала маленькие глазки-телескопы, длинные усики и огромную клешню.

Пугая рачков, девочка обратила внимание на довольно крупную рыбку, которая застряла на мелководье. Обычно при приближении человека все морские обитатели бросались наутёк, а эта рыбка бросалась на Сашу, била своим хвостом, брызгая на неё водой. Девочкой Саша была смелой, и так просто испугать её было никак нельзя. Она стала прыгать, стараясь оглушить рыбку. Та увёртывалась, но с места не уходила. «Ух ты, какая упорная, но я ещё упорнее», – Саша стала прыгать выше, стараясь приземлиться прямо на рыбку. И это ей удалось. Рыбка легла на бок и перестала нападать. Подхватив её под жабры, девочка торжественно принесла добычу дедушке.

– Добытчица! Молодчина, но боле так не делай. Мал больно пинагор-то. В море не уходил, потому как самец, икру защищал от ворогов.

Дедушка её чуток пожурил. А вот сейчас Саше было очень стыдно за тот случай. Может, потому она и икру не могла добыть, что вина у неё была перед пинагором.

(Продолжение следует...)